

Лекция 2

1. *Лагерная проза.*

2. *Александр Солженицын. Биография. «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛаг», «В круге первом».*

3. *Варлам Шаламов. Биография. «Колымские рассказы»: «Ночью», «Посылка», «Ванька, похититель свиней».*

1.

Лагерная проза.

Одна из самых страшных и трагических тем в русской литературе – это тема лагерей. Публикация произведений подобной тематики стала возможной только после XX съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, т.е. в период «оттепели» и «послеоттепельное» двадцатилетие. К лагерной прозе относятся произведения А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛаг», В. Шаламова «Колымские рассказы», В. Владимова «Верный Руслан», Г. Довлатова «Зона» и другие.

ГУЛаг. Несомненно, история ГУЛага – это разрушенные судьбы людей, потеря близких, подорванное здоровье и несбыточные надежды. Это история страны, история детей, оставшихся без родителей в детских домах. Это история несделанных открытий, изобретений, ненаписанных книг. Это история мучений и глупости. Это история о том, как сомнительная мечта о всеобщей справедливости и поиск счастья через насилие стала историей беззакония, мук и террора.

Первые лагеря на территории Советской республики появились летом 1918 года. Правительственные распоряжения, предписывали проводить «беспощадный массовый террор» против классовых врагов, «сомнительных» отсылать в концентрационный лагерь.

Большевистская власть приступила к уничтожению своих действительных, а так же потенциальных противников, не смотря на общепринятые процессуальные нормы и правовые гарантии. Теперь человеческая жизнь стала зависеть от «милости» большевистских вождей. Насилие стало универсальным средством достижения намеченных целей. Стремительному росту численности лагерей способствовали также гражданская война и политический террор.

Система объединяла 53 лагерных управления с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний. ГУЛаг осуществляло руководство системой исправительно-трудовых лагерей. Уже к началу 1930-х труд заключённых в СССР рассматривался как экономический ресурс.

16 июля 1939 года НКВД СССР издает приказ «С объявлением положения об изоляторе НКВД ОТК для несовершеннолетних», в котором было утверждено «Положение об изоляторе для несовершеннолетних», предписывающее размещать в изоляторах подростков возрастом от 12 до 16 лет, приговорённых судом к различным срокам заключения и не поддающихся иным мерам перевоспитания и исправления.

Данная мера могла быть осуществлена с санкции прокурора, срок содержания в изоляторе ограничивался шестью месяцами. Начиная с середины 1947 года сроки наказания для несовершеннолетних, осуждённых за кражу государственного или общественного имущества, были увеличены до 10-25 лет.

После смерти Сталина и проведения в 1953 году массовой амнистии число заключённых в лагерях сократилось в два раза, строительство ряда объектов было прекращено. В течение нескольких лет после этого система ГУЛага планомерно сворачивалась и окончательно прекратила своё существование в 1960 году.

2.

Александр Солженицын. Биография.

«Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛаг», «В круге первом».

Центральным событием русской прозы «оттепели» считают появление в печати повести «Один день Ивана Денисовича» и так называемой «лагерной» прозы, рассказывающей об ужасах сталинских репрессий. Она привносит совершенно новую тему в русскую литературу.

Биография.

Сама жизнь Солженицына – как бы дополнительной том его собрания сочинений. Большинство произведений автора обильно насыщено автобиографическим материалом. Солженицын происходит из крестьянского рода, представители которого достигли неплохих успехов). Отец погиб за 6 месяцев до рождения писателя на охоте. Солженицын появился на свет в Кисловодске в 1918, когда положение семьи радикальным образом изменилось. Совершилась революция, всё имущество было потеряно. После окончания школы Солженицын заканчивает физико-математический факультет в Ростове-на-Дону и параллельно, чувствуя в себе литературный дар, поступает в ИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории).

В годы войны воевал на фронте. В 1945 попал под надзор контрразведки, которая перлюстрировала его письма. В одном из писем к другу Солженицын назвал Ленина Вовкой, за что получил 7 лет ИТЛ. Этот арест перевернул всю жизнь будущего писателя. Он увидел жизнь с той стороны, с какой её совершенно не знал. Особо значимо для Солженицына стало пребывание в спецтюрьме Марфино под Москвой, куда он попал в 1947. Здесь Солженицын познакомился с математиком и философом Паниным и стал глубоко верующим человеком. Под влиянием филолога Льва Копелева Солженицын прошёл, находясь в тюрьме, сокращённый курс филологических дисциплин. У Солженицына оказалась идеальная память. Он чуть ли не сходу всё запоминал и почти всё услышанное впоследствии использовал в своём творчестве.

Под влиянием Панина Солженицын отказался принять участие в разработке подслушивающего устройства, так как он понимал, что устройство нужно для тоталитарного режима, чтобы подслушивать инакомыслящих. С Паниным они попали на общие работы (с 1950) в Экибастуз. Здесь Солженицын узнаёт и тяжёлый физический труд литейщика и каменщика. Всё это время Солженицын изучал лагерные порядки и сочинял. Но в лагере регулярно проводился обыск, поэтому всё сочинённое надо было

держат в памяти. Солженицын сочиняет пьесы в стихах, трилогию под общим названием «1945» («Пир победителей», «Пленники», «Республика труда»).

В 1952 Солженицын принимает участие в Экибастузском восстании заключённых, вызванном невыносимыми условиями труда. Незадолго до восстания он попал в лагерную больницу с раковым заболеванием. Отбыв срок, он был сослан в один из глухих уголков Казахстана на вечное поселение. Он не имел права покинуть посёлок Кок-Терек. Тем не менее, здесь Солженицын начинает переносить на бумагу и редактировать сочинённое в лагере, а поскольку он знал, что обыски возможны, прятал рукописи в металлические сосуды. Неожиданное осложнение рака дало о себе знать, и в тяжелом состоянии Солженицын добирается до Ташкента, где ему делают операцию. Это окончательно убеждает Солженицына в том, что бог сохранил ему жизнь, чтобы он рассказал о советских лагерях.

После XX съезда, реабилитированный Солженицын, работает учителем физики в посёлке Торфопродукт (Владимирская область). В 1957 перебирается в Рязань. Работает учителем математики и всё свободное время пишет.

«Один день Ивана Денисовича». Повесть была опубликована с личной санкции Хрущёва в №11 за 1962 год журнала «Новый мир». Первоначальное название – «Щ-854». В лагерь Шухов, главный герой, попал как бывший военнопленный. «У нас нет военнопленных, – заявил Сталин, – у нас есть предатели Родины». Сталин, тем самым, отрекся от 3,5 млн. советских людей, попавших в плен в первые недели войны. Своими сломанными судьбами им пришлось расплачиваться за недостаточную подготовленность страны. (Англичане считали своих военнопленных жертвами, невинными людьми. Ни одна страна, кроме СССР, не отреклась от своих военнопленных).

Заключённый Щ-854 – Шухов пошел на войну, честно воевал, но попал в плен. Из плена ему удалось бежать и чудом пробиться к «своим». *«В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный (одежда – гроб), подпишешь – хоть поживешь малость. Подписал».* По документам он сидит в лагере за измену родине. За то, что выполнял задание фашистов. А какое задание, ни Шухов, ни следователь придумать не смогли.

Сталинские лагеря на 90% были заполнены абсолютно неповинными людьми, и этот факт стал для прогрессивной общественности шоком.

Цезарь Маркович попал в лагерь за неосторожное высказывание, Тюрин – за то, что сын кулака, баптист Алёша – за то, что верил в бога. Повесть вскрывала преступные механизмы уничтожения людей в соответствии со сталинской доктриной. В отношении заключённых ежедневно, ежечасно творится беззаконие: осуждённые на лишение свободы фактически осуждены на мучения и издевательства. Цитата из повести: Кавторанг Буйновский заявляет: *«Вы права не имеете, ... вы не советские люди»* – и слышит в ответ: *«Десять суток ареста».*

В своей знаменитой повести «Один день Ивана Денисовича» Солженицын описал только один день заключённого – от подъема до отбоя, но повествование построено так, что читатель может представить себе лагерную жизнь сорокалетнего крестьянина Шухова и его окружения во всей полноте. Один день, как капля воды, отражает все полторы тысячи дней заключения Шухова. Аномальное показано как повторяющееся изо дня в день.

Прототипами центрального героя стали Иван Шухов, бывший солдат артиллерийской батареи Солженицына, и сам писатель-заключенный, и тысячи невинных жертв чудовищного беззакония. Солженицын уверен, что советские лагеря были такими же лагерями смерти, как фашистские, только убивали там собственный народ. Эта повесть о противозаконности, противоестественности самой системы, созданной советскими руководителями.

Иван Денисович давно избавился от иллюзий, он не ощущает себя советским человеком. Начальство лагеря, охранники – это враги, нелюди, с которыми у Шухова нет ничего общего. Шухов, носитель общечеловеческих ценностей, которые не удалось в нем разрушить партийно-классовой идеологии. В лагере это помогает ему выстоять, остаться человеком.

В лагере Шухов пытается выжить, контролирует каждый шаг, пытается заработать, где можно. Он не уверен, что выйдет на волю в срок, что не добавят ему еще лет десять, *но не позволяет себе думать об этом. Не думает Шухов и о том, почему сидит он и еще много всякого народа, не терзается вечными вопросами без ответов.*

«...И кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать...».

По натуре Иван Денисович принадлежит к природным, естественным людям, которые ценят сам процесс жизни. И у зека есть свои маленькие радости: выпить горячей баланды, выкурить папиросу, съесть пайку хлеба, приткнуться, где потеплей, и минуту подремать.

В лагере Шухова спасает труд. Работает он увлеченно, не привык халтурить, не понимает, как можно не работать. В жизни он руководствуется здравым смыслом, в основе которого крестьянская психология.

Солженицын описывает других заключенных, которые не сломались в лагере. Старик Ю-81 сидит по тюрьмам и лагерям, сколько советская власть стоит. Другой старик, Х-123, – яростный поборник правды, глухой Сенька Клевшин, узник Бухенвальда. Пережил пытки немцев, теперь в советском лагере. Латыш Ян Кильдигс, еще не потерявший способности шутить. Алешка-баптист, который свято верит, что Бог снимет с людей «накипь злую».

Язык повести. С повестью в язык народа вошла жуткая лагерная лексика: шизо, кондей, стукач, придурок, полкан и др. Эта лексика адекватна грубой лагерной жизни. В речи Ивана Денисовича и других лагерников занимают большое место пословицы и поговорки, часто оригинальные: *«Мороз лют, а бригадир лютей»*, *«Кто кого может, тот того и гложет»*.

Всё это позволило автору создать народный характер, характер человека, которого не сумел растоптать даже жуткий лагерный режим, сохранившего в своей душе чувство справедливости и милосердия. Автор откровенно любит главного героя, его способностью **приспособиться к любым условиям и остаться человеком**. Не последнюю роль в том, что Иван Денисович сумел сохранить свою личность, сыграла его вера в бога. Он руководствуется принципами христианской морали, а не морали социалистического гуманизма. Ни разу у Ивана Денисовича не вспыхивает протест против сталинского режима. Иван Денисович убеждён, что всякий протест бесполезен. Главное для него – выжить, не потеряв себя, вернуться к семье. Всё же та безропотность,

то безграничное терпение, которым наделён герой, позволяют понять, почему сталинский режим продержался тридцать лет. По более поздним подсчётам Солженицына, всего в Союзе было репрессировано около 60 миллионов человек.

Этот текст Солженицыну удалось опубликовать, но, когда «оттепель» закончилась, такая возможность исчезла.

Солженицын последовательно изображает, как терпеливость и жизнестойкость помогают Ивану Денисовичу выжить в нечеловеческих условиях лагеря. Повесть «Один день Ивана Денисовича» была опубликована во времена «хрущёвской оттепели» в 1962 году, вызвала большой резонанс в читательской среде, открыла миру страшную правду о тоталитарном режиме в России.

Публикация «Одного дня» на волне хрущёвских разоблачений делает Солженицына известным. Повесть была выдвинута на соискание Ленинской премии, однако противники «оттепели» приложили все усилия, чтобы премия не была вручена.

«Архипелаг ГУЛаг».

История создания и публикации. «Архипелаг ГУЛаг» – художественно-историческое произведение Александра Солженицына о репрессиях в СССР в период с 1918 по 1956 годы. Основано на письмах, воспоминаниях и устных рассказах 257 заключённых и личном опыте автора.

ГУЛаг – аббревиатура от «Главное управление лагерей».

«Архипелаг ГУЛаг» был написан Солженицыным в СССР тайно в период с 1958 по 1968 год (закончен 2 июня 1968 года), первый том опубликован в Париже в декабре 1973 года. Автор не имел никакого доступа к архивам КГБ. Поэтому он вводит в текст «Архипелага» характерные отрывки из неопубликованных произведений: Шаламова, Гинзбург, – на которые ссылается как на литературный факт.

Информацию для этого труда Солженицыну предоставили, как указывалось в первых изданиях, 227 человек. В издании 2007 года (Екатеринбург, издательство У-Фактория) впервые раскрыт список «свидетелей архипелага, чьи рассказы, письма, мемуары и поправки использованы при создании этой книги», включающий 257 имён. Некоторые фрагменты текста были написаны знакомыми Солженицына.

В 1970 году Солженицын был удостоен Нобелевской премии в области литературы. Формулировка Нобелевского комитета: *«За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы писателя современной эпохи».* Для получения премии Солженицына не выпустили из страны. Начинается травля, которая всё более нарастает. В 1972 году Солженицын при помощи Вадима Андреева, сына Леонида Андреева, переправляет за рубеж «Архипелаг ГУЛаг». Возле квартиры Солженицына в это время дежурила машина с сотрудниками КГБ, телефоны прослушивались, на улицу выходить было опасно. Не зная, чем всё закончится, своему адвокату в Швейцарию Солженицын передаёт поручение «опубликовать роман в случае моей неожиданной смерти».

23 августа 1973 года автор дал большое интервью иностранным корреспондентам. В тот же день КГБ задержал одну из помощниц писателя Елизавету Воронянскую из Ленинграда. В ходе допроса её вынудили выдать местонахождение одного экземпляра рукописи «Архипелага ГУЛаг». Вернувшись домой, она повесилась. «Архипелаг» попадает в руки КГБ. Солженицына это крайне тревожило: книга начинается с перечня

фамилий и имён людей, материалы которых о заключении в лагерях он использовал. Для того, чтобы обезопасить этих людей, он печатает книгу в других странах мира. Постепенно произведение было опубликовано более чем в 30 странах. Под влиянием международного резонанса, надеялся Солженицын, не осмелятся учинить открытую расправу.

Поэтика. В первой части романа отражено скольжение страны на дно насилия и бесправия ещё в ленинские времена. Вторая книга – самая «давящая», рассказывает о классическом периоде ГУЛага. В то же время, автор даёт понять, и здесь не все потеряли человеческий облик, здесь также происходит проверка жизненных идеалов. Наиболее порядочными людьми в условиях лагеря оставались либо верующие (их убеждения не позволяли творить зло, и они готовы были принять мученичество), либо истинные интеллигенты, *«чьи интересы и воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны»*. Наиболее просветлённая – третья книга «Архипелага». Автор показывает, что обстановка в лагерях после войны стала меняться. Приходит большое количество военнопленных – людей, прошедших через всё и не намеренных терпеть унижения. Фронтовики стали уничтожать уголовников, доносчиков. Советская власть к тому времени поняла, что слишком распустила уголовников, и смотрела сквозь пальцы на происходящее. Начинаются побеги из лагерей. Вершина противостояния – первое в СССР вооружённое восстание заключённых в Экибастузе (1951). Описывая подобные выступления, Солженицын показывает, что строй, основанный на насилии, обречён и рано или поздно будет свергнут. Этой мысли особенно боялась власть.

Произведение построено как путеводитель по неизвестному архипелагу, а сам автор выступает как его первооткрыватель. Сам Солженицын характеризует «Архипелаг» как художественное исследование и поясняет, что всей полноты документов у него не было, так что он прибег к художественной типизации. Пока сочинялся «Архипелаг», автор ни разу не имел возможности прочитать его целиком, от начала до конца. Этим он объясняет шероховатости художественного плана.

Гонорары от продажи романа переводились в Фонд Солженицына, откуда впоследствии передавались тайно в СССР для оказания помощи политическим заключённым и их семьям.

В СССР «Архипелаг» был полностью опубликован только в 1990 году (впервые отобранные автором главы были опубликованы в журнале «Новый мир», 1989, № 7—11).

Словосочетание «Архипелаг ГУЛаг» стало нарицательным, часто используется в публицистике и художественной литературе, в первую очередь по отношению к пенитенциарной системе СССР 1920-х — 1950-х годов. Отношение к «Архипелагу ГУЛаг» (как и к самому А. И. Солженицыну) и в XXI веке остаётся весьма противоречивым, поскольку отношение к советскому периоду, Октябрьской революции, репрессиям, личностям В. И. Ленина и И. В. Сталина сохраняет политическую остроту.

9 сентября 2009 года «Архипелаг ГУЛаг» внесли в обязательную школьную программу по литературе для старшеклассников.

«И ничего святого нет во время обыска! При аресте паровозного машиниста Иношина в комнате стоял гробик с его только что умершим ребенком. Юристы выбросили ребенка из гробика, они искали и там».

«Простая истина, но и ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражения в них! Победы нужны правительствам, поражения нужны – народу. После

побед хочется еще побед, после поражения хочется свободы – и обычно ее добиваются. Поражения нужны народам, как страдания и беды нужны отдельным людям: они заставляют углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно».

«Этот чемодан у меня сохранился, я и теперь, когда попадетя, провожу пальцами по его рваной дыре. Она ведь не может зажить, как заживает на теле, на сердце. Вещи памятьливее нас».

«В круге первом»

Он имеет автобиографический характер и отражает опыт писателя в Марфинской спецтюрьме. Прототип Нержина – сам Солженицын. Воссоздавая линию взаимоотношений Нержина с женой, Солженицын использовал дневниковые записи жены. Как справедливо отмечают исследователи, мир Солженицына по преимуществу мужской. Женские образы редки и менее удачны. Мужской же мир Солженицына – всегда мир испытаний: войной, тюрьмой, лагерем, смертельной болезнью.

Персонажи романа поставлены в экстремальную ситуацию. Они подведены к самому порогу, за которым жизнь превращается в ад. Это напряжение отражает романский хронотоп, чрезвычайно сжатый. В романе «В круге первом» всё действие укладывается в трое суток. Человек у Солженицына заключён в микрокосме камеры, лагеря или больничной палаты. Его кругозор ограничен, зато его зрение чрезвычайно обостряется. Солженицын уделяет большое внимание описанию интерьера, а также большое место в романе занимают психологические портреты. Все жесты, мимику, особенности речи друг друга заключённые изучили досконально. На фоне регламентированного, неизменного образа жизни ярче проступает человеческая индивидуальность. Человек либо примирён со своим положением, либо противостоит режиму и обществу.

Марфинская спецтюрьма, по определению Солженицына, – первый круг ада, то есть далеко не самое страшное. Это место, где собрана научная интеллигенция.

Ценой рабского послушания здесь можно даже сносно устроиться и привыкнуть к жизни без свободы. Такой путь выбирают некоторые персонажи, но этот путь раздавливает человека нравственно, лишает самого главного. Может произойти и обратное – обучение свободе в тюрьме. Не случайно о своём герое Солженицын пишет: *«Тюрьма ему была так же необходима, как дождь иссохшей земле»*, чтобы благодаря личным переживаниям убедиться в бесчеловечности существующей системы; тюрьма отрезает от мира, зато человек имеет возможность уйти в глубь себя – этот путь, путь к богу, и проходит Нержин, как прошёл его сам Солженицын. Нержин говорит, что ощущает себя одним из рыцарей Грааля. (Преданность высоким христианским и гуманистическим идеалам. Герой теперь следует этим идеалам и выступает противником террора).

Роман имеет социально-философский характер. Его отличает повышенная степень интеллектуальной насыщенности: в «шарашке» пусть не лучшие умы России, но образованные и мыслящие люди. **Характерно обилие философских диспутов и монологов.** Освобождающую роль играет у Солженицына смех. Осмеивается иерархия, начиная со Сталина и заканчивая его мелкими прислужниками. Ирония и сарказм Солженицына обращена против всех проявлений тоталитарной системы.

Варлам Шаламов. Биография.

«Колымские рассказы»: «Ночью», «Посылка», «Ванька, похититель свиней».

В созданной В. Шаламовым книге «Колымских рассказов» раскрывается весь ужас лагеря и лагерной жизни. Рассказы Шаламова увидели свет уже после книг Солженицына, который, казалось бы, все написал о лагерном быте. И при этом проза Шаламова буквально переворачивает душу, воспринимается как новое слово в лагерной тематике.

Биография.

Шаламов родился в 1907 году в семье вологодского священника. Стихи и прозу начал писать еще в юные годы. Учился в Московском университете. Впервые Шаламова арестовали в 1929 году (ему было 22!) по обвинению в распространении якобы фальшивого политического завещания В. Ленина (Ленин дал критическую оценку партии). Три года писатель провел в лагерях на Урале. В 1937 году он был снова арестован и отправлен на Колыму на 5 лет за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Шаламов прошёл таёжные «командировки», работал на приисках, несколько раз оказывался на больничной койке из-за тяжёлых условий Колымы. 22 июня 1943 года его опять осудили на десять лет за «антисоветскую агитацию», с последующим поражением в правах на 5 лет, состоявшую – по словам самого писателя – в том, что он назвал И. А. Бунина русским классиком. В 1951 году Шаламов был освобождён из лагеря, но поначалу не мог вернуться в Москву. Результатами репрессий стали распад семьи и подорванное здоровье. Был реабилитирован после XX съезда КПСС. Двадцать в тюрьмах, лагерях и ссылках!

«Колымские рассказы». Шаламов не умер в лагере, чтобы создать впечатляющий по силе психологического воздействия своеобразный колымский эпос, рассказать беспощадную правду о жизни – «не жизни» – «антижизни» людей в лагерях. Основная тема рассказов: **человек в нечеловеческих условиях**. Автор воссоздает атмосферу безысходности, морального и физического тупика, в котором на долгие годы оказываются люди, состояние которых приближается к состоянию «зачеловеческому». **«Ад на земле»** может в любой момент поглотить человека. Лагерь отнимает у людей все: их образование, опыт, связи с нормальной жизнью, принципы и моральные ценности. Здесь они больше не нужны. Шаламов пишет: *«Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели – инженеры, геологи, врачи, – ни начальники, ни подчиненные. Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута. Там много такого, что человек не должен знать, а если видел – лучше ему умереть».*

Тон повествователя спокоен, автор знает все о лагерях, все помнит, лишен малейших иллюзий. Шаламов утверждает, что нет такой меры, чтобы измерить страдания миллионов людей. То, о чем рассказывает автор, кажется вообще невозможным, но мы слышим объективный голос свидетеля. Он повествует о быте лагерников, об их рабском труде, борьбе за пайку хлеба, болезнях, смертях, расстрелах. Его жестокая правда лишена гнева и бессильного разоблачительства, уже нет сил возмущаться, чувства умерли.

«Ночью». Рассказ «Ночью» показывает, как у людей стираются грани между плохим и хорошим, как главной целью становилось — выжить самому, чего бы это ни стоило. Глебов и Багрецов ночью снимают одежду с мертвеца с намерением добыть себе вместо нее хлеб и табак. В другом рассказе осужденный Денисов с удовольствием стягивает портянки с умирающего, но еще живого товарища.

«Посылка». Экспозиция рассказа Шаламова «Посылка» непосредственно вводит в основное событие повествования — получение одним из заключенных посылки: *«Посылки выдавали на вахте. Бригадиры удостоверяли личность получателя. Фанера ломалась и трещала по-своему, по-фанерному. Здешние деревья ломались не так, кричали не таким голосом».* *«Люди с чистыми руками в чересчур аккуратной военной форме ведут себя уверенно, вскрывают посылки «по-хозяйски», умело бросают «едва живые после многомесячного путешествия ящики на пол. Ящики раскалываются, и часть продуктов («куски сахара, сушеные фрукты, загнивший лук, мятые пачки махорки») достается «на законных основаниях» людям в военной форме, которые выполняют столь ответственную работу.* Естественно, что в подобной ситуации ни о каком протесте со стороны заключенных не может быть и речи, поскольку в этом «подземном» мире сам факт получения заключенным посылки (или части её) есть не что иное, как величайшее чудо.

Очевидно, что проводится параллель между выдачей посылок и тем, что случилось с Ефремовым, между фанерными ящиками и Ефремовым. «И тем и другим» занимается охрана или смотрители, «и то и другое» падает на пол («падали на пол» / «рухнувшее на пол что-то»), и то и другое» кричит /стонет, и в завершении: Ефремов — умирает, ящики — раскалываются. Мысль о том, что в лагерных условиях Ефремов превращается в вещь, передаётся с помощью тех пассажёй, где он описывается как некий предмет, нечто неопределённое, «что-то».

Читатель содрогается от осознания того, насколько «далеко» ушло человечество в «науку» придумывания пыток и мучений себе подобных. Писателям XIX века и не снились ужасы Освенцима, Майданека и Колымы.

Вот слова автора, сказанные от своего имени: *«Заключенный приучается там ненавидеть труд — ничему другому он и не может там научиться. Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом. <...> Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону. Оказывается, можно делать подлости и все же жить... Оказывается, что человек, совершивший подлость, не умирает... Он чересчур высоко ценит свои страдания, забывая, что у каждого человека есть свое горе. К чужому горю он разучился относиться сочувственно — он просто его не понимает, не хочет понимать... Он приучился ненавидеть людей».*

В пронзительном и страшном рассказе **«Васька Денисов, похититель свиней»** рассказывается, до какого состояния может довести человека голод. Васька жертвует жизнью ради еды. *«Погоня была близка. Васька взбежал на крыльцо, оттолкнул дежурного и помчался по коридору. ... Дальше бежать было некуда. Васька сейчас только увидел, что потерял шапку. Мерзлый поросенок все еще был в его руках. Васька положил поросенка на пол, своротил массивные скамейки и заложил ими дверь. ... Тогда Васька сел на пол, взял в обе руки поросенка, сырого, мороженого поросенка, и грыз, грыз... Когда вызван был отряд стрелков, и двери были открыты, и баррикада разобрана, Васька успел съесть половину поросенка...».*

Страх, разъедающий личность, описан в рассказе «Тифозный карантин». Автор показывает людей, готовых служить главарям бандитов, быть их лакеями и рабами ради миски супа и корки хлеба. Герой рассказа Андреев видит в толпе подобных холопов капитана Шнайдера, немецкого коммуниста, образованного человека, прекрасного знатока творчества Гете, который теперь исполняет роль «чесальщика пяток» у вора Сенечки. После этого герою не хочется жить.

Лагерь, по мнению Шаламова, – это хорошо организованная государственная преступность. Все социальные и моральные категории умышленно заменены на противоположные. Добро и зло для лагеря – наивные понятия. Шаламов пишет о людях «не бывших, не умевших и не ставших героями». **В слове «героизм» есть оттенок парадности, блеска, кратковременности поступка, а каким словом определить многолетнюю пытку людей в лагерях, еще не придумали.**

Творчество Шаламова стало не только документальным свидетельством огромной силы, но и фактом философского осмысления целой эпохи, общего лагеря: тоталитарной системы.

«Колымские рассказы» - это поиски нового выражения, а тем самым и нового содержания. Новая, необычная форма для фиксации исключительного состояния, исключительных обстоятельств, которые, оказывается, могут быть и в истории, и в человеческой душе. Право на фиксацию этого исключительного опыта, этого исключительного нравственного состояния могут иметь лишь люди, имеющие личный опыт.

«Колымские рассказы» — фиксация исключительного в состоянии исключительности. Не документальная проза, а проза, пережитая как документ, без искажений «Записок из Мёртвого дома». Достоверность протокола, очерка, подведённая к высшей степени художественности, — так я сам понимаю свою работу. В «Колымских рассказах» нет ничего от реализма, романтизма, модернизма. «Колымские рассказы» — вне искусства, и всё же они обладают художественной и документальной силой одновременно» (Шаламов «О моей прозе»).